

УДК 821.111 (73)

ЯЗЫК КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНСКИХ ЕВРЕЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

© О.Б.Карасик

В статье рассматривается использование современными еврейскими писателями США языка идиш для отражения этнической идентичности. На примере произведений выдающихся писателей конца XX – начала XXI века Ф.Рота, С.Озик, Г.Пейли, Дж.Хеллера и М.Чабона демонстрируется, что идиш выступает в качестве речевой характеристики героев-иммигрантов, становится средством создания реалистической и правдоподобной атмосферы при описании быта американской еврейской семьи, а также служит для достижения комического эффекта.

Ключевые слова: американские еврейские писатели, идиш, английский язык, этническая идентичность, комизм.

Американская еврейская литература является одной из наиболее значительных этнических составляющих современной мультикультурной литературы США. В своей статье, посвященной вопросам мультикультурализма в американской литературе, мы отмечали: «Особое место среди других этнических литератур США принадлежит еврейской литературе. Большинство еврейского населения США составляют выходцы из стран Восточной Европы, родным языком которых был идиш. Первоначально еврейская литература в США была представлена именно такими писателями-иммигрантами. Среди них были признанный классик еврейской литературы Шолом-Алейхем и лауреат Нобелевской премии Исаак Башевис-Зингер. Эти авторы не могут быть отнесены к американской литературе, так как писали не на английском языке» [1: 218]. Американская еврейская литература создается только на английском языке и представляет собой синтез национальных традиций литературы США и элементов восточноевропейской еврейской культуры, принесенной в Новый Свет эмигрантами конца XIX – начала XX века. Эта культура была основана на языке идиш, появившегося как соединение немецкого и иврита и на протяжении веков служившего языком повседневного общения для евреев Восточной Европы. Идиш поднялся до уровня литературного языка лишь в XIX веке и достиг своего пика в творчестве уже упомянутых нами писателей мирового масштаба – Шолом-Алейхема и И.Башевиса-Зингера. Сегодня он является исчезающим языком, так как используется в быту лишь небольшим количеством жителей Израиля и США, в основном в общинах ультраортодоксальной религиозной направленности. В мире еще можно обнаружить некоторое очень небольшое количество газет на

идише, изредка издаются и книги, однако вполне очевидно, что носителей языка становится все меньше.

Американские писатели, о которых идет речь в данной статье, являются представителями второго или третьего поколений еврейских иммигрантов, они родились и выросли в США, английский – их родной язык, на нем они создают свои произведения. Языком их родителей или бабушек и дедушек был идиш, однако их дети и внуки уже не могут говорить на нем, и он используется в еврейских семьях в тех случаях, когда нужно скрыть информацию от посторонних, в том числе и для того, чтобы младшие члены семьи не поняли, о чем говорят старшие.

Этническая идентичность еврейских писателей США находит свое отражение в их творчестве на разных уровнях – в сюжетах, характерах, отражении реалий семейного быта и иудейских традиций. Одним из наиболее характерных способов ее проявления можно считать использование идиша. Сами авторы на нем не говорят и в лучшем случае лишь понимают, но достаточно часто он становится маркером этнической идентичности, когда речь идет об американских евреях. Примером могут служить произведения целого ряда выдающихся писателей второй половины XX – начала XXI века Филипа Рота (Philip Roth, род. 1933), Синтии Озик (Cynthia Ozick, род. 1928), Грейс Пейли (Grace Paley, 1922-2007), Джозефа Хеллера (Joseph Heller, 1933-1999), Майкла Чабона (Michael Chabon, род. 1963).

Писатели в основном используют бытовую лексику на идише, включая ее в речь героев, что служит средством создания правдоподобной и реалистической картины жизни американской еврейской семьи, где чаще всего старшее поколение – иммигранты. Слова на идише часто вы-

полняют функцию эвфемизмов, заменяя непристойные выражения или служащие для осуждения. Например, в романах Ф.Рота «Случай Портного» (*Portnoy's Complaint*), «Моя мужская правда» (*My Life As a Man*), «Американская пастораль» (*American Pastoral*) и др., где описывается процесс становления личности подростка из еврейской семьи, из уст родителей часто звучат такие слова, как *shikse* (шикса, нееврейская девушка) и *гой* (гой, нееврей), по отношению к американцам. Следует отметить, что подобные выражения на идише давно перешли в повседневный обиход всех американцев и читатель не нуждается в пояснениях, когда встречает их в тексте. С их помощью родители выражают неодобрение тому, что их дети стремятся к общению с американскими сверстниками. «Жестокость и бездушные, царящие в гойских семьях. “Их” пьянство, “их” жестокость, “их” извечная ненависть к нам» [2: 113] – так у детей формируется негативное отношение ко всему американскому, что впоследствии приводит к конфликту, так как они не только формально являются гражданами США, но и растут в окружении американских реалий, которые неизбежно проникают в их жизнь. Причиной конфликта становятся те противоречия, которые возникают между мнением родителей и запретами, которые они создают, и тем, что окружает их детей в реальной жизни.

Характерным примером подросткового восприятия американских реалий, на наш взгляд, можно считать рассказ Г.Пейли «Громче всех» (*The Loudest Voice*), где главной героиней и повествовательницей является девочка-подросток Ширли Абрамович, иммигрировавшая в США из Европы вместе с родителями в 30-е годы XX века. Характерно уже само имя, которое дает героине писательница, – фамилия Абрамович явно указывает на восточноевропейское происхождение, тогда как Ширли – американизированное имя. Девочка легко адаптируется к новым условиям жизни и находит общий язык с ровесниками и учителями в школе, где ее привлекают к участию в рождественском вечере и она собирается петь традиционные песни и читать стихи наравне с детьми из христианских семей. Узнав об этом, ее родители испытывают противоречивые чувства, и героиня слышит их разговор: «– Ты же в Америке! Клара, ты сама сюда хотела. В Палестине арабы сожрали бы тебя живьем. В Европе были погромы. В Аргентине сплошь индейцы. А здесь – Рождество... Вот незадача, да?» [3: 9] «– ...Чем Рождество плохо? В конце концов история всех чему-то учит. Из книг понятно, что этот праздник идет еще от язычества – свечи, огни, та же Ханука. То есть, он не совсем христи-

анский. Так что те, кто считает его сугубо христианским праздником, – не патриоты, а просто невежды. То, что стало частью истории, принадлежит всем» [3: 11]. Здесь очевидны попытки взрослых объяснить и даже оправдать то, что их дети органично вписались в американскую жизнь и чувствуют себя вполне комфортно, а значит, процесс ассимиляции необратим. Его главным признаком становится восприятие английского языка в качестве родного, так как именно его используют дети для повседневного общения с ровесниками, тогда как языки старой родины остаются внутрисемейными и все менее и менее понятными для детей: «Они немного поругались на идише и перешли на смесь русского и польского. Понимать я стала, только когда папа снова заговорил по-английски» [3: 15].

Дж.Хеллер в своем сатирическом романе «Голд, или не хуже золота» (*Good as Gold*) использует слова и выражения на идише в качестве речевой характеристики персонажа. У главного героя — писателя и университетского преподавателя Брюса Голда – сложно складываются отношения с отцом. При каждой встрече Брюс испытывает раздражение от того, что старый Джулиус Голд дает свои оценки политической жизни США, считая себя экспертом во всем, хотя на самом деле полагается лишь на мнение соседей – таких же пожилых иммигрантов, как он. Джулиус часто использует идиш в своей речи, особенно когда требуется выразить негативное мнение, однако, в отличие от тех общеизвестных слов, которые использует в своих произведениях Ф.Рот, они требуют сносок с пояснениями для читателя.

Отец Голда предстает во многом как комическая фигура, в основном благодаря своей абсурдной самоидентификации. Он называет себя еврейским атеистом, отрицает всякую связь с иудаизмом и в то же время напоминает всем членам семьи обо всех еврейских религиозных праздниках, хотя и не соблюдает традиции ни одного из них. «– Конечно, ты, тощий *шейгец* [здесь в переводе с идиша – невежда], – размеренным голосом начал тираду его отец. – После Симхат Тора наступает Шаббос Берешит, осел. И вот таких приглашают работать в Вашингтон? Ты не знал Симхат Тора? А теперь ты хочешь, чтобы я оставил мою семью в Шаббос Берешит? Хороших сыночков я имею. *Их хаб дем бадер ин бад*.

– Кажется, – сказала мачеха Голда, – я не очень хорошо понимаю местный идиш.

– Он нас обоих имел в ванной, – дословно перевел Голд...» [4: 82]

Идиш в речи старика служит не только для раскрытия его характера, но и становится главным определяющим аспектом его идентичности. Он не смог вписаться в американскую жизнь, оказался неудачником и даже не выучил английского языка до такой степени, чтобы выражать на нем сильные эмоции. В то же время эти фразы звучат комично для окружающих и его никто не принимает всерьез.

Идиш играет важную роль в рассказах С.Озика и Г.Пейли. Обе писательницы показывают жизнь еврейских кварталов Нью-Йорка, населенных преимущественно иммигрантами, которые ведут замкнутый образ жизни, так как боятся реалий современного мегаполиса, а также находятся под воздействием страхов, сформировавшихся у европейских евреев за долгие века преследований. Герои, говорящие на идише, чаще всего являются представителями первого поколения иммигрантов, этот язык остается для них родным, тогда как английский они воспринимают как чуждый. Он подчеркивает комичность образов этих «маленьких» людей, вызывающих у читателя вместе с улыбкой жалость и сочувствие. В одном из своих эссе под названием «Революция Шолом-Алейхема» (*Sholem Aleichem's Revolution*) С.Озик говорит: «Идиш – прямой, энергичный и живой язык. Он почти на тысячу лет старше чосеровского английского и так же, как грубоватая речь паломников у Чосера, уходит своими корнями в простонародный говор, повседневное общение обычных людей. На идише трудно звучать претенциозно или возвышенно, но на нем легко шутить. Он будто специально предназначен для сатиры, циничных высказываний, дружеского общения, брани, возмущения, сентиментальности, иронии. С его помощью можно ставить людей на место и говорить о грустном: весь этот оборонительный словесный багаж необходим вечным изгнанникам на пути к очередному временному пристанищу» [5: 160]. (перевод мой – О.К.)

В своих рассказах С.Озик показывает смешные и нелепые ситуации, в которых оказываются герои, говорящие на идише в повседневной жизни в Нью-Йорке второй половины XX века. Протагонист рассказа «Зависть, или идиш в Америке» (*Envy; or, Yiddish in America*) мечтает о возрождении языка и постоянно заявляет о его значимости как основного отличительного признака еврейской литературы: «Эдельштейн, американец уже сорок лет, с жадностью читал книги писателей, как брюзгливо говорил он, “еврейского происхождения”. Он считал их незрелыми, вредными, жалкими, невежественными, ничтожными, но прежде всего глупыми» [6: 5]. В данном

случае «еврейское происхождение», взятое в кавычки, – это выражение презрения героя к тем писателям, которые называют себя еврейскими, но пишут на английском языке. Несмотря на публично выражаемое неодобрение, герой с удовольствием читает их произведения, утверждая при этом, что настоящим евреем является только тот, кто пишет и говорит на еврейском языке, каковым он считает только идиш. «Судя их, он выдвигал самое существенное для него обвинение – они были, по его словам, “Американер-геборен” [в переводе с идиша – рождены в Америке]. Возращены в Америке, о погромах знают понаслышке, маме лошн [родной язык] им чужой, история — пустое место» [6: 5]. С. Озик, считающая себя американской еврейской писательницей, для которой этническая идентичность является важным аспектом творчества, высмеивает противоречивые взгляды героя, который попадает в неловкие ситуации и страдает от одиночества из-за своего нелепого стремления как можно больше использовать идиш.

С.Озик признает, что на идише были созданы наиболее значительные произведения еврейской литературы, однако понимает, что его время безвозвратно ушло вместе с культурой европейских еврейских местечек-штетлов. «Как-то после войны по узкой улочке Нижнего Ист-Сайда медленно двигался похоронный кортеж. Машины, выехав с парковки у храма в Бронксе, направились к кладбищу на Стейтен-Айленде. Их путь пролегал мимо редакции последней в городе ежедневной газеты на идише. В газете было два редактора, их обязанности распределялись так: один печатал экземпляры очередного номера, а второй смотрел в окно. И, увидев похоронную процессию, кричал напарнику: “Эй, Мотл, печатай на один экземпляр меньше!”» [6: 8-9] Это типичный еврейский анекдот, включенный в текст рассказа, в котором с грустным юмором говорится о постепенном исчезновении идиша.

Г.Пейли назвала один из сборников своих рассказов «Мечты на мертвом языке» (*Dreamer in a Dead Language*), подчеркнув, что если язык мертв, то и мечты на нем несбыточны. Так же, как у С.Озика, идиш здесь становится олицетворением прошлого европейских евреев, которое связано в основном с трагическими событиями, погромами и преследованиями. Английский, напротив, символизирует перспективное настоящее, прогресс и возможность для каждого человека найти себя в современном мире.

Г.Пейли мало использует сами слова и выражения на идише, однако в ее рассказах создается образ языка, и с ним связаны комические ситуации, в которых оказываются герои. Так, в расска-

зе «Конкурс» (*The Contest*) герой оказывается жертвой мошенничества своей возлюбленной. Благодаря его знанию идиша она выигрывает конкурс, объявленный газетой, и получает денежный приз. Писательница с иронией показывает характерные черты жизни американских евреев-потомков иммигрантов, для которых газета на идише – смешной анахронизм, однако в подходящей ситуации они могут извлечь материальную выгоду из своего происхождения.

Писательница подчеркивает «мертвость» идиша и использует его только в названии газеты, но в целях создания комического эффекта она имитирует его с помощью «зеркального» письма: «...на следующий день все факты были изложены справа налево на первой странице “Морген-лихт”, там, где указаны все сведения о редакции.

*!алидебон намрессаВ иттоД
ытевто есв теанз анилкурБ зи акшувед»* [3: 29]

На фоне осознания постепенного вымирания идиша неожиданным стало появление в 2007 году романа М.Чабона «Союз еврейских полисменов» (*The Yiddish Policemen's Union*, что можно было бы перевести как «Союз полисменов, говорящих на идише»), где этот язык является основой культуры и всего образа жизни героев – обитателей вымышленной еврейской колонии на Аляске. Они говорят между собой на идише и лишь изредка используют слова на английском, причем чаще всего это грубые ругательства. Они называют язык «американским».

Главный герой полицейский Меир Ландсман расследует убийство, что составляет главную интригу романа, который по построению сюжета вполне вписывается в рамки традиционной американской разновидности детективного жанра – «крутого детектива» с погонями и перестрелками. Идиш и реалии еврейской жизни, включающие атрибуты иудаизма, превращают роман в пародию на этот жанр и в то же время в своеобразную антиутопию.

М.Чабон рассказывает историю еврейской колонии, появившейся в начале XX века, используя настоящие географические названия: «Комитет, Конгресс, да и все население США не могли не заметить уничтожения двух миллионов евреев в Европе, варварского искоренения сионизма, судеб беженцев из Палестины и Европы. Еще сложнее оказалось не заметить изменения ситуации в самой Ситке. Население поселения возросло до двух миллионов душ. Нарушив условия акта, евреи расселились по западному берегу острова Баранова, на Крузове, до острова Западного

Чичагова. Экономика региона переживала расцвет. Американские евреи нажимали на администрацию. В результате Конгресс даровал Ситке “временный статус” федерального округа. Требования прав штата, однако, отвергли. <...> Ударение делалось на то, что статус временный. Сроком на шестьдесят лет. А потом – видно будет» [7: 40]. Временность статуса колонии означает и исчезновение языка, так как это единственное место, где на нем говорят в быту.

М.Чабон воспроизводит языковые детали и тем самым в рамках одного произведения создает фантастическую картину, превращая исчезающий язык изгнания в живой и функционирующий. Американские копы здесь называют друг друга *латке* (идишская форма слова *латка* – ее напоминает головной убор патрульных полицейских), пистолет для них – *шолем* (результат сложной игры слов из английского и идиша), а мобильный телефон – *шойфер* (иначе – *шофар*, рог, еврейский ритуальный музыкальный инструмент). Таким образом писатель, принадлежащий уже к третьему поколению еврейских иммигрантов, слышавший идиш лишь от своих бабушек и дедушек, признается в любви языку своих предков и заявляет о своей принадлежности культуре восточноевропейских евреев, основой которой и был этот язык.

Таким образом, мы можем говорить о том, что идиш становится средством отражения этнической идентичности в произведениях американских еврейских писателей разных поколений. Он служит для правдоподобного воспроизведения реалий жизни еврейских иммигрантов и образов персонажей, а также становится средством создания комического эффекта.

* * * * *

1. *Карасик О.Б.* К вопросу о мультикультурализме в современной литературе США // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2009. – №4. – С. 218–221.
2. *Рот Ф.* Моя мужская правда. – СПб.: Лимбус Пресс, 2002. – 377 с.
3. *Пейли Г.* Мечты на мертвом языке. – М.: Текст, Книжники, 2012. – 250 с.
4. *Хеллер Дж.* Голд, или не хуже золота. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 1998. – 448 с.
5. *Ozick S.* Portrait of the Artist as a Bad Character and Other Essays on Writing. – London: Random House, 1996. – 330 p.
6. *Озик С.* Путермессер и московская родственница. – М.: Текст, Книжники, 2010. – 320 с.
7. *Чабон М.* Союз еврейских полисменов. – СПб.: Амфора, 2008. – 429 с.

**LANGUAGE AS A MEANS OF REFLECTION OF ETHNIC IDENTITY
IN THE WORKS OF CONTEMPORARY JEWISH AMERICAN AUTHORS**

O.B.Karasik

The article deals with the use of Yiddish as a means of reflecting ethnic identity in fiction. The author of the article analyzes the works of outstanding Jewish American writers of the end of the 20th – the beginning of the 21st century – Ph.Roth, C.Ozick, G.Paley, J.Heller, and M.Chabon and shows the way Yiddish is used to characterize their Jewish immigrant heroes, to create a true-to-life and realistic atmosphere in a Jewish American family as well as for comical effect.

Key words: Jewish American authors, Yiddish, English, ethnic identity, comic element.

1. *Karasik O.B.* K voprosu o mul'tikul'turalizme v sovremennoj literature SShA // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – 2009. – №4. – S. 218–221.
2. *Rot F.* Moya muzhskaya pravda. – SPb.: Limbus Press, 2002. – 377 s.
3. *Pejli G.* Mechty na mertvom yazyke. – M.: Tekst, Knizhniki, 2012. – 250 s.
4. *Xeller Dzh.* Gold, ili ne xuzhe zolota. – M.: AST; Xar'kov: Folio, 1998. – 448 s.
5. *Ozick C.* Portrait of the Artist as a Bad Character and Other Essays on Writing. – London: Random House, 1996. – 330 p.
6. *Ozik S.* Putermesser i moskovskaya rodstvennica. – M.: Tekst, Knizhniki, 2010. – 320 s.
7. *Chabon M.* Soyuz evrejskix polismenov. – SPb.: Amfora, 2008. – 429 s.

Карасик Ольга Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

Karasik O.B. – Ph. D. in Philology, Associate Professor, Kazan Federal University

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: karassikl@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.09.2013